

Научная статья /
Research Article

<https://elibrary.ru/EJFULB>
УДК 821.512.31.0
ББК 83.3(=64)

ЖАНР ЖИТИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.

© 2022 г. Е.Е. Балданмаксарова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 27 марта 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 18 мая 2021 г.

Дата публикации: 25 июня 2022 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-232-247>

Аннотация: Статья посвящена изучению агиографического жанра в бурят-монгольской литературе средневекового периода. Исследованы истоки жанра, уходящего корнями в индо-тибетскую литературную традицию, связанную с буддийской «житийной» литературой. Подчеркивается, что традиции индо-тибето-монгольской агиографии в бурятском литературоведении специально не исследовались, это одно из новых направлений изучения, требующее серьезного рассмотрения. В статье предпринят анализ поэтического произведения Агвана Доржиева «Занимательные рассказы о кругосветном путешествии». Это одно из последних произведений в жанре средневекового жития в бурят-монгольской литературе начала XX в. Новое время и реалии, как исторические, так и литературные, умение автора синтезировать восточные и западные (русские) художественные традиции повлияли на серьезное изменение данного жанра под пером А. Доржиева. С точки зрения формы (структурное расположение материала, стихотворная форма, использование художественно-изобразительных средств) автору удалось остаться в рамках агиографического жанра. Однако в содержательном, языковом, стилистическом, а также в эмоциональном планах это произведение представляет собой промежуточное звено между средневековой и зарождающейся новой реалистической литературой Бурят-Монголии начала XX в.

Ключевые слова: жанр жития, бурят-монгольская литература, средневековые традиции, Агван Доржиев, трансформация жанра.

Информация об авторе: Елизавета Ешиевна Балданмаксарова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

E-mail: liza.bur@mail.ru

Для цитирования: Балданмаксарова Е.Е. Жанр жития в бурят-монгольской литературе XVIII – начала XX вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 232–247. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-232-247>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 2, 2022

HAGIOGRAPHIC GENRE IN THE BURYAT-MONGOLIAN LITERATURE OF 18TH – EARLY 20TH CENTURIES

© 2022. Elizaveta E. Baldanmaksarova

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 27, 2020

Approved after reviewing: May 18, 2021

Date of publication: June 25, 2022

Abstract: The article is devoted to the study of the hagiographic genre in the Buryat-Mongolian literature of the medieval period. The author examines origins of the genre, rooted in the Indo-Tibetan literary tradition and associated with Buddhist “hagiographic” literature. The traditions of Indo-Tibeto-Mongolian hagiography in Buryat literary criticism have not been specially studied, so this is one of the new areas of study that requires comprehensive review. The analysis of the poetic work of Aghvan Dorzhiev, “Entertaining stories about a trip around the world,” undertaken in the article, makes it possible to trace how such a unique author, who has absorbed the primordial traditions of Indo-Tibetan culture, due to the received almost twenty years of education in Tibet, then the experience of teaching Buddhist philosophy to such a student, like the XIII Dalai Lama, managed to creatively synthesize, as a citizen of Russia, who received his initial education at home, two different cultures. His work, although written in the genre of a medieval life, is evidence of the genre transformation under the influence of new historical, literary and other realities. Thus this work can be viewed as a transition from medieval traditions to the new realistic literature in Buryat-Mongolian culture.

Keywords: hagiographic genre, Buryat-Mongolian literature, medieval traditions, Aghvan Dorzhiev, transformation of the genre.

Information about the author: Elizaveta E. Baldanmaksarova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>

E-mail: liza.bur@mail.ru

For citation: Baldanmaksarova, E.E. “Hagiographic Genre in the Buryat-Mongolian Literature of 18th – Early 20th Centuries.” *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 2, 2022, pp. 232–247. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-2-232-247>

Жанр «жития» (*намтара*¹), как и жанр хождений, пользовался особой популярностью как в Монголии и Калмыкии, так и в Бурятии. Не случайно именно с этих жанров в XVIII в. начинается свое развитие бурят-монгольская литература средневекового типа². Данный жанр бурят-монгольской литературы восходит к житиям индийских махасиддхов (великих совершенных), тибетских книжников и потому тесно связан с буддийской «житийной» литературой.

Осмысление, изучение и введение в научный оборот наследия индо-тибето-монгольской агиографии в российской гуманитарной науке только начинает набирать свои обороты, ибо изданных источников все же не так много, чтобы прийти к обобщающим выводам. На сегодняшний день жанрообразующие, системообразующие элементы еще недостаточно четко выявлены и определены, не исследованы общие тенденции развития, их трансформации, связанные с изменениями типа художественного сознания, вызванными переменами в социально-политической жизни общества.

Герой индо-тибето-монгольской агиографии, как правило, прославленная еще при жизни неординарная личность, оставившая немеркнущий след в истории культуры. Личность такого человека овеяна славой святого просветленного существа (бодхисаттвы), и благодаря непрерываемому авторитету его имя остается в веках. Со временем вокруг имени святого создаются разнообразие мифы, предания и легенды, далекие от реальных

1 *Намтар* (тибет. *nam thar*, букв. *полное освобождение*) — это агиографический жанр, возникший в Тибете на основе наследия индийской житийной литературы. Данный жанр был воспринят в литературе монгольских народов с XVII в.

2 Известно, что этапы развития литератур народов Европы и Азии разнятся. Период Средневековья длился в бурят-монгольской литературе начиная с XIII в. по 30-е гг. XX в.

фактов и исторической правды, что в первую очередь связано с тем, что сознание средневекового человека, в силу определенных устоявшихся традиций, канонов и норм, не всегда четко различало границу между фактом реальной действительности и фантастическими, вымышленными историями о чудесных свершениях. Поэтому в памятниках классической житийной литературы индо-тибето-монгольского ареала, известной с конца IV в., помимо подлинного историко-литературного материала, представляющего несомненную ценность, находим компоненты, которые не всегда соотносятся с правдой жизни в нашем современном понимании.

Мифы, легенды и предания, а также сюжеты, взятые из эпических произведений, придают жизнеописаниям средневековых буддийских монахов, отшельников своеобразие и особый характер. Таковы «Житие Нагарджуны»³ Кумарадживы (344–413) и жизнеописания великих Учителей: Падмасамбхавы («Падма-гата») — индийского йогина VIII–IX вв., основоположника тибетского тантризма; Миларепы — тибетского йогина, достигшего Просветления в течение своей одной земной жизни, поэта XI в.; его духовного наставника Марпы-лоцзаве (переводчика с санскрита) — великого йогина, «героя Алмазного пути», родоначальника школы Кагью тибетского буддизма. Авторы агиографических сочинений рисуют образ уникального человека, обладающего тайными эзотерическими знаниями, умеющего творить чудеса. Волшебство становится одним из жанрообразующих элементов агиографического повествования, а «персонаж житийной литературы», по мнению В.П. Андросова, «действует по определенной парадигме, и он по большому счету даже не герой, а объект житийного прославления» [2, с. 250], наиболее же общей тенденцией данного жанра является опора на мифологию, на доктрину аватар — воплощений бога на земле, призванных ниспровергнуть враждебные силы [2, с. 252].

В Тибете житийная литература начала складываться в конце XIII — начале XIV вв., она опиралась на предшествующую литературную традицию, сотканную из разнообразных элементов. Как наиболее характерные составляющие можно выделить, с одной стороны, индийскую литературную традицию, а с другой — традиции написания тибетских летописей, цар-

3 Имя Нагарджуны (II — начало III вв.), «второго Будды», основоположника Великой Колесницы, было популярным и почитаемым в Индии до XII в., а у тибетских и монгольских народов он сохраняет свою значимость и величие до настоящего времени.

ских и династийных родословных хроник, буддийских гимнов-песнопений. «Необычайная художественность изображения, — отмечает известный тибетолог В.С. Дылыкова, — исходила от авторов намтаров, наделенных в большинстве случаев блестящим литературным талантом. <...> В житиях тибетских святых изображены внутренняя жизнь и народное мирозерцание, то, как думали, во что веровали и что испытывали в своей душе тибетцы раннего и позднего средневековья, что представляет собой историческую важность сказаний о жизни святых и об их осязательном значении в литературном отношении» [4, с. 26].

Классическая форма житийной литературы окончательно сформировалась в Тибете в начале XVI в. К образцам высочайшего мастерства агиографического жанра относятся произведения Цанг Ньён Херука (1452–1507): «Полное жизнеописание Марпы-переводчика “Видение свершает всё”», «Жизнь Миларепы», «Сто тысяч песен Миларепы». Об авторе жизнеописаний известно, что он был странствующим йогином, проводившим время в местах, освященных Миларепой. В течение продолжительного периода он работал над созданием письменной серии книг, связанной с устной передачей духовной традиции «Чакрасамвара-тантры». Личность Цанг Ньёна получила освещение в корпусе буддийских текстов, в комментариях, а также в агиографической литературе. В.П. Андросов считает Цанг Ньёна основоположником литературной школы, поскольку «по меньшей мере пять его учеников написали аналогичные труды, посвященные Тилопе, Наропе, Речунгпе, самому Цанг Ньёну и другим Учителям. Наибольшую известность из этой плеяды писателей приобрел его главный ученик Лхацюн Ринчен Намгьял благодаря сочинению “Жизнь и учение Наропы”» [1, с. 23–24].

Широкая популярность «Жизнеописания Марпы» Цанг Ньёна⁴, думается, была связана с тем, что оно основано на подлинном историческом материале, не только знакомящем с судьбой Марпы (который жил скромно, как обычный человек), его путешествиями в Индию (трижды), Непал с целью познания глубин священного учения, но и описывающем путь его духовного развития, совершенствования, обретения величия и мудрости, рассеивающей мрак неведения. Недаром текст жизнеописания отличает прозопоэтическая структура, что можно рассматривать как одно из свойств

4 Как источник для рассмотрения использован: [11].

жанровой специфики индо-тибето-монгольских агиографических произведений.

Значительное место в тексте отведено песнопениям, вложенным в уста Марпы. Немалую часть занимают сновидения, помогающие понять, осмыслить те или иные явления и процессы реальной жизни, а также описания множества чудес. Согласно тексту, Марпа-Мастер появлялся одновременно в нескольких телах, или в виде четырех первостихий, или возникал в виде радуги или света, или делал другие удивительные вещи. Получив посвящения и устные наставления от подлинных святых учителей, от Дакинъ Мудрости, Марпа постиг внутренний Ясный свет, что вне происхождения и исчезновения, и в совершенстве овладел энергиями и сознанием. Ему удалось развить бесчисленные полезные свойства переноса сознания, овладеть высшим восприятием и другими необычными способностями благодаря силе сосредоточения ума (самадхи). История жизни Мастера в этом произведении подана как гирлянда драгоценностей, исполняющих желания живых существ во всех трех мирах, как своего рода ориентир, указатель Пути для тех, кто стремится достичь состояния Просветления.

Помимо житий, в индо-тибето-монгольской традиции писались *биографические сборники*, например, к числу таких агиографических произведений относятся «Жития индийских йогов» (1600) Таранатхи или ставший широко популярным биографический сборник (1787) известного автора Ёнцзин Ешэ-чжалцана, включающий биографии индийских (Нагарджуны, Асанги, Васубандху, Чандракирти, Атиши и его учеников и др.) и тибетских (Цзонкапы и его учеников, Далай-лам, Панчен-лам и др.) просветленных.

Классик русской тибетологии А.И. Востриков (1904–1937) делит *намтары* на два типа: обычные, или «общие», и частные, или «тайные» [3, с. 92]. К разряду биографий могли также иногда причислять произведения особого рода, так называемые «книги о достигнутом» (тоб-иги) или «книги о прослушанном» (сан-иги). На основе классификации Санчжай-чжамцо (и других тибетских авторов) полного собрания сочинений V Далай-ламы (1617–1682), с учетом разных типов *намтаров*, А.И. Востриков выделяет три вида биографий:

1. собственно биография, или «биография внешняя» (чи-намтар);
2. «книга о достигнутом» (тоб-иг или сан-иг), или «биография внутренняя» (нанги-намтар);

3. «биография тайная» (санви-намтар) [3, с. 93]⁵.

Собственно литературной биографией, по мнению А.И. Вострикова, является первая — «биография внешняя». Например, Чии-намтар V Далай-ламы состоит из шести томов обычного тибетского формата. Из них три тома написаны самим V Далай-ламой и входят в его собрание сочинений, а остальные три тома представляют собой дополнение к незаконченной автобиографии, написанной Сангье-Гьяцо — регентом V Далай-ламы с 1692 по 1696 гг. Считается, что биография V Далай-ламы является одним из самых крупных произведений жанра литературной биографии и одним из самых интересных и подробнейших мемуаров двух именитых деятелей тибетской культуры и истории [3, с. 93].

Имеется немало произведений в жанре биографий-намтаров, написанных монгольскими и бурятскими авторами на тибетском языке. Известны рукописные жизнеописания Пандито Хамбо-лам⁶ Буддийского духовенства Восточной Сибири XVIII – начала XX вв. Биография I Пандито Хамбо-ламы Дамба-Даржа Заяева была создана на основе его автобиографии бурятским автором Лобсан-Жамцо в Лабране (Тибет) в 1891 г. Известны автобиография настоятеля Цугольского дацана Галсан-Жимба Дылгирова, написанная в 1864–1872 гг., биография основателя Цугольского дацана Лудуба Дандарова (1781–1859) и др.

Все авторы, пишущие в данном жанре, придерживались определенного канона. Структура текста в основном соответствовала тем нормативам, «правилам жанра», которые были заданы и ориентированы на то, чтобы жизнеописания, деятельность великих мудрецов, «жития святых» вызывали бы чувства восхищения, доверия, убеждали в уникальности и обретении ими необычайных, совершенных способностей (сиддхи) на уровне мыслительной, вербальной и психофизической деятельности. Жизнеописа-

5 Свой вариант классификации памятников средневековой агиографии предложила В.С. Дылыкова, выделив четыре вида биографий-намтаров: 1. обычные намтары, которые она разделила на религиозные, исторические, реалистические; 2. необычные намтары, куда включила мифологические или легендарные и фантастические; 3. сокровенные, или тайные намтары, описывающие мистический опыт и духовные постижения буддийских святых; 4. смешанные намтары, излагающие реальные события и сложные йогические учения [4, с. 29].

6 Почетный титул главы буддистов в России, утвержденный указом Пограничной канцелярии от 22 июня 1764 г. за № 610. Впоследствии данный указ был подтвержден императрицей Екатериной II.

ние такой неординарной личности, написанное в согласии со сложившимся литературным каноном, как правило, включало: пролог; обстоятельства рождения, сопровождаемые чудесными знаменами; женитьба; уход из мирской жизни; поиски и обретение духовных наставников; аскеза; история достижения достоинства будды или просветленного состояния; изустная передача сокровенного учения ученику; нирвана (уход из земной жизни), сопровождаемая чудесными знаменами.

В основу бурят-монгольских *намтаров*, как было отмечено выше, заложены традиции средневековой индийской и тибетской агиографической литературы. Многие тексты этого жанра монгольскими, бурятскими книжниками (литераторами) были написаны на тибетском языке. Если обратиться к творчеству Агвана Доржиева, то он в первоначальном варианте свое произведение «Занимательные рассказы о кругосветном путешествии» (*Delekei-yi ergijü bitügsen domoγ sonirqal-un bičig tedüii kemekü oročiba*)⁷ в жанре жития написал в стихотворной форме на классическом монгольском языке с вертикальной графикой в 1921 г. Затем появился второй вариант этого текста на тибетском языке, дополненный и расширенный. Вариант этого произведения, написанный на тибетском языке, был переведен сначала на английский [12], затем на русский [8] языки. А текст, написанный на старомонгольской письменности, был издан на современном монгольском [6], бурятском [9] и русском [7] языках. Впервые об этом произведении упомянул в книге, посвященной жизненному и творческому пути Агвана Доржиева, бурятский историк Г.Н. Заятуев [5].

Агван Доржиев (1854–1938), получивший образование сначала в Бурятии, а затем в Тибете, где был удостоен высшей ученой степени доктора философии, — личность незаурядная для своего времени. Поражает масштаб его деятельности, разносторонность таланта, нашедшего проявление в различных областях — буддийской, политической, общественной, творческой. В смутное время конца XIX – первой трети XX вв. ему удалось реализовать несколько проектов международного характера: реформировать буддизм

7 XX Пандито Хамбо-лама Жимба-Жамсо Эрдынеев в Каталоге, составителем которого является, переводит данное произведение А. Доржиева так: «Радостное сказание об одном нищем монахе, одержимом злым духом восьми мирских Дхарм, скитающемся в бессмысленном мире, не имеющем драгоценности высшей Дхармы». А самого Агвана Доржиева представляет: «Его высочество Цаннид Хамбо Агван Доржиев, называемый Наивысшее украшение, Вагиндра — вершина божеств сансары и нирваны» [10, с. 159].

в России (в Бурятии и Калмыкии) на основе идеи обновления (возникло так называемое «обновленческое движение»), заложить основы для дипломатических отношений между Тибетом и Россией, установить дружеские личные отношения между XIII Далай-ламой и Николаем II, построить буддийский храм в Петербурге, стать одним из семи учителей XIII Далай-ламы.

Стихотворный *намтар* Агвана Доржиева⁸ привлекает в первую очередь достоверностью тона, эмоциональной наполненностью, открытостью чувств, четко выраженной авторской позицией. Произведение начинается с традиционного канонического обращения к «милосердному защитнику» (пролог), однако автор с первых строк вносит свою, неповторимую по силе искренности интонацию. Существовала особая средневековая литературная традиция, которой неукоснительно следовал каждый автор, и здесь А. Доржиев не является исключением — говорить о себе, о своих возможностях, принижая свои заслуги, свою роль в создании произведения. Это, возможно, связано еще и с тем, что гордость / гордыня, преувеличение своих достоинств считались по буддийской философии одним из тяжких грехов человека.

Автор довольно подробно и в то же время поэтично излагает историю своей жизни, поддерживая интерес читателя применением различных художественно-изобразительных средств, не забывая о тридцати двух украшениях индо-тибетской поэтики. Как сильную сторону Доржиева-литератора можно отметить его умение немногими словами сказать о многом. Описывая напряженные годы учебы, особенно в начальный период, когда он стал «от всего сердца усердствовать», А. Доржиев вспоминает о том, что монахи и миряне чинили ему препятствия, чтобы вернуть его к мирской жизни. Ведь по настоянию родителей, которые хотели удержать сына возле себя, он был вынужден жениться (что, надо отметить, соответствует канону *намтара*). Но уже в то время (а ему было всего пятнадцать лет) он «преисполнился непоколебимой воли», и, как только ему исполнилось девятнадцать, А. Доржиев «устремился в священную Страну снегов», т. е. в Тибет, где «вкусил нектар наставлений несокрушимого Ямантаки, “Падма-катан” и других неисчерпаемых высших учений» [7, с. 44, 45].

Поскольку в Тибете были установлены твердые законы и к пребыванию подданных России относились с подозрением, он вынужден был вер-

⁸ Для литературоведческого анализа жизнеописания Агвана Доржиева привлечены следующие источники: [6, с. 103–128; 7, с. 14–70; 9, с. 76–112].

нуться домой в 1875 г. после двух лет странствования вместе с караваном VIII Богдо-гэгэна Джебцун Дамба-хутугты. У Доржиева было замечательное качество: чем бы он ни занимался, он делал это с искренними помыслами, с большим усердием и с силой внутренней энергии. И за это он был не раз вознагражден, судьба ему благоволила, и он смог вернуться в Лхасу 1876 г. Ему удалось закончить полный курс философского факультета Гоман при монастыре Брайбун, получить ученое звание лхарамбы. Он был единственным из всех обучающихся, кто выдержал экзамен по пяти наукам (1888) и удостоился заслуженной славы и стал известным и, как он сам отмечает, «так я прославился» [7, с. 46]. Когда XIII Далай-ламе исполнилось тринадцать лет, А. Доржиева определили учителем (цаннид-хамбо) Его Святейшества по полному курсу цаннида (основам философии), и он десять лет сопровождал его без перерыва. В эти же годы А. Доржиев занимался подготовкой к изданию тибетского «Ганджура» (Слово Будды, 108 т.), начиная с 1890 г., для чего занимался редактированием, корректурой различных текстов: «По повелению совершенного Богдо Далай-ламы, находясь при нем, я старательно сверял, уточнял и исправлял тексты различных сутр и тантр» [7, с. 47].

Размышляя о том, почему для подданных России установили строгие правила для въезда в Тибет, А. Доржиев выясняет причину, и она оказывается политической. Англия как страна, имеющая «нрав покорять бедные народы» [7, с. 47], не гнушаясь такими способами, как «вражда и притеснение» [7, с. 47], хотела проникнуть в Тибет со стороны Индии. И оказалось, что многие из влиятельных лиц в Тибете не видели разницы между Россией и Англией. Именно в это время А. Доржиев встает на общественно-политический путь, разъясняя политическую ситуацию в мире и место Тибета в мировых сферах влияния. Как у российского подданного, у него зарождается мысль просить Россию взять под свое покровительство Тибет. Однако в высших кругах Тибета не все одобряли его политические взгляды, появились противники, которые мешали ему, не давали возможность получить аудиенцию Его Святейшества. Но все же ему удается встретиться и убедить Далай-ламу XIII и получить согласие для поездки в Петербург с целью установления дипломатических отношений между двумя странами⁹.

9 Впервые Цаннид-хамбо А. Доржиев прибыл в Петербург в 1898 г. в качестве полномочного представителя Тибетского правительства. Благодаря помощи П.А. Бадмаева и протекции князя Э. Ухтомского он получил несколько аудиенций у Николая II, обрел

Далее А. Доржиев довольно подробно описывает свой путь из Тибета в Россию через Индию, Китай, Монголию, какие чувства испытывал, попав в океанский шторм на корабле, и др. В Бурятии он предлагает учредить тантрические дацаны, и это его предложение было воспринято с воодушевлением. Взяв в попутчики бурятского *тайшу* (предводитель одного из бурятских родов) Цэдэна, прибыл в 1898 г. в Петербург, где с помощью «хитроумного Ухтомского»¹⁰ получил аудиенцию у царя, где решался вопрос о том, «какие шаги предпринять, чтобы Англия не прибрала к рукам Тибет» [7, с. 50]. Отправив Убаши Норзунова¹¹ с поручением в Тибет, А. Доржиев побывал в ряде стран Западной Европы — Франции, Англии, Австрии, Италии — для налаживания связей с государственными и политическими деятелями. Ему важно было побывать в столицах Тройственного союза, чтобы понять, как строить отношения с Англией. Интересны описания Доржиевым его встреч с Жоржем Клемансо, впоследствии председателем Совета министров Франции в 1906–1909 гг., ратующего за гегемонию Франции в Европе, и принцем Генрихом Орлеанским, который был в Тибете с официальным визитом в 1889–1890 гг.

Агван Доржиев вернулся в Санкт-Петербург с определенными представлениями о международной обстановке того времени. Вскоре прибыл из Тибета Овше Норзунов с просьбой Далай-ламы срочно вернуться в Лхасу. По возвращении А. Доржиеву удалось убедить Далай-ламу установить долговременные связи с Россией, союзницей Франции, ибо он предвидел, что Англия в будущем может заключить договор с Францией и, возможно, с Россией. Если так, то Англия с позициями Франции и России будет вынуждена считаться. Это была разумная дипломатическая версия. Предчувствие А. Доржиевым того, что образование двух союзов в Европе может привести к военным действиям, оправдалось в недалеком будущем. Заключение англо-французского (1904) и русско-английского (1907) соглашений привело к образованию Антанты, так называемого «Сердечного

влиятельных покровителей в высших кругах, проявлявших интерес к «тибетскому вопросу».

10 Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921) — друг детства Николая II, князь, дипломат, востоковед-этнограф, писатель, издатель, председатель Русско-Китайского банка.

11 Убаши (Овше) Мучкинович Норзунов — калмык, с 1898 по 1900 гг. дважды был в Тибете. Ему первому удалось сделать снимки таинственной Лхасы, и этим он стал широко известен в научных кругах России, Европы и Америки.

согласия» (Тройственное согласие), которое обозначило рубежи Первой мировой войны.

Второе тайное путешествие из Тибета в Россию к русскому императору А. Доржиев предпринимает в 1900 г. В Индии англичане уже знали о «зловредном Доржиеве» и по ошибке вместо него посадили в тюрьму Убаши Норзунова, который следовал в Тибет из России. В Шанхае А. Доржиев оказался свидетелем «кровавого восстания глупых ихэтуани»¹², через японский город Нагасаки попал во Владивосток, оттуда на Черное море, где встретился с Николаем II и его министрами. Затем, когда установление дипломатических отношений с Россией было одобрено высокопоставленными лицами Тибета, А. Доржиев выехал из Лхасы в Россию через Непал. Когда он достиг индийского города Рангпура, то увидел объявления с его изображением о том, что «за отрезанную и доставленную голову зловредного Доржиева назначена награда в десять тысяч рупий» [7, с. 53]. В Сингапи (ныне — Шри-Ланка) он встретился с русским консулом, который по «телеграфу снесся с Петербургом» [7, с. 53]. В 1901 г. он достиг Одессы, где его «встретили русские сановники с хлебом-солью, как великого посланника и много дней устраивали почетные приемы» [7, с. 53]. С прибывшей из Петербурга делегацией он отправляется «в столицу к Белому царю-богатуру»¹³ [7, с. 54].

Автор удивительно открыто и честно пишет о «всяческих препонах», которые, «испытывая безумную зависть», люди «распространяли в специальных газетах» [7, с. 54]; о конфликте, который возник с Верховным ламой калмыцкого народа (*Шашин-лама*), когда он ездил к приволжским калмыкам по поводу открытия школы цаннид-чойра (буддийская философия и богословие), а также дискуссиях и противостояниях по поводу реформирования, обновленческого движения в буддийских монастырях, где он ратовал за чистоту истин, проповеданных самим Буддой Шакьямуни; особенно когда началось строительство Петербургского храма в 1909 г., находились люди, которые «писали царю и сановникам с предложением выдворить зловредного буддийского безумца А. Доржи-

12 Ихэтуани (отряды «справедливости и мира») — участники так называемого «Боксерского» восстания в 1898–1901 гг. в Китае против иностранного вмешательства в политическую, экономическую и религиозную жизнь.

13 Так называли буряты Николая II, который, будучи еще цесаревичем, был в Бурят-Монголии летом 1891 г., совершая путешествие по странам Востока.

ева», даже были «письма с угрозами убить», «подбрасывали дымовые шашки» [7, с. 60].

Ему пришлось пройти еще через несколько серьезных жизненных испытаний. Как он пишет, «жестокий Юань Шикай¹⁴ из черного¹⁵ Китая» решил «схватить Далай-ламу и уничтожить буддизм» [7, с. 61]. Для этой цели «он отправил в Тибет большое войско» [7, с. 61], которое автор сравнивает с голодными волками. Узнав об этом, А. Доржиев отправился в Тибет для встречи с Далай-ламой. Когда китайцы, осознав свое бессилие, начали поговаривать о перемирии, А. Доржиев решил вернуться в Россию¹⁶ для укрепления связей Тибета и России, а также для строительства буддийского храма в Петербурге. Далай-лама на эту цель пожертвовал «около семидесяти тысяч серебром, а для царя и сановников отправил подарки» [7, с. 63]. Возвращаясь в Россию через Монголию, Доржиев с VIII Джебцзун Дамба-хутугтой пролонгировали имеющийся Договор о дружбе и взаимной помощи, существовавший между Тибетом и Монголией. Начав строительство Петербургского храма весной 1909 г., А. Доржиев завершил и освятил его в августе 1915 г.¹⁷ Безусловно, это был триумф именно его, А. Доржиева, его неоценимый вклад в распространение и развитие буддизма в России.

Далее в тексте автобиографии дается анализ общественно-политической ситуации в России и Бурят-Монголии первых двух десятилетий XX в. В тексте не только упоминаются имена Г.Е. Распутина, А.Ф. Керенского, В.И. Ленина, из бурятских — М.Н. Богданова, Э.-Д. Ринчино, Д.-Д. Ити-

14 Юань Шикай (1859–1916) — президент Китая в 1912–1916 гг.

15 Согласно цветовой символике азиатских народов, например, китайцы — черные, монголы — синие, тибетцы — красные, корейцы — желтые.

16 А. Доржиев обратился с докладной запиской «О более тесном сближении России с Монголией и Тибетом» (ноябрь 1907 г.) к вице-председателю Русского географического общества П.П. Семенову-Тянь-Шанскому.

17 Первое большое богослужение в храме было проведено в честь 300-летия Дома Романовых в 1913 г., где присутствовала большая делегация бурят-монголов, приехавшая на юбилейные торжества, среди которых особо выделялись Пандито Хамба-лама Даша-Доржо Итигэлов и полномочный представитель Монгольского правительства князь Дайтцин-ван Ханда Дорджи, а также путешественники-исследователи Центральной Азии (П.К. Козлов с супругой, Ц.Г. Бадмажапов и др.) и ученые-востоковеды (академики В.В. Радлов — председатель строительного комитета храма, С.Ф. Ольденбург, приват-доценты Ф.И. Щербатской — уполномоченный по строительству, В.Л. Котвич, А.Д. Руднев, художники, принимавшие участие в оформлении, — Н.К. Рерих, В.П. Шнейдер — племянница индолога И.П. Минаева).

гэлова, Д. Сампилона, но и дается характеристика, оценка их деятельности: кратко, но объемно и по существу.

Последние годы жизни А. Доржиева оказались поистине трагическими, как и само время, в которое он жил. На возвратном пути в Бурятию от уральских калмыков на станции Рубаха он и его спутники были арестованы и доставлены в тюремном вагоне в Москву, в Бутырскую тюрьму. Его освободили благодаря вмешательству ученых-востоковедов, в частности, при деятельном участии монголоведа, проф. В.Л. Котвича. Однако в Бурятии он снова попал в тюрьму. А. Доржиев умер в тюремной больнице в 1938 г. в возрасте восьмидесяти четырех лет, прожив напряженную, наполненную многогранной деятельностью, полную опасностей, но в то же время интересную, полнокровную жизнь человека своей эпохи, оставив живой след в памяти людей, в сердцах потомков.

Произведение А. Доржиева — одно из последних в жанре средневекового жития в бурят-монгольской литературе начала XX в. Безусловно, новое время, новые реалии, как исторические, так и литературные, а также умение автора синтезировать восточные и западные (русские) художественные традиции повлияли на серьезное изменение данного жанра под пером А. Доржиева. С точки зрения формы (структурное расположение материала, стихотворная форма, использование художественно-изобразительных средств) автору удалось остаться в рамках агиографического жанра. Однако в содержательном, языковом, стилистическом, а также в эмоциональном планах это произведение, отмеченное новыми веяниями, представляет собой промежуточное звено между средневековой и зарождающейся новой реалистической литературой Бурят-Монголии начала XX в.

Список литературы

Исследования

- 1 Андросов В.П. Об авторе «Жизнеописания Марпы» // Андросов В.П., Леонтьева Е.В. Марпа и история Карма Кагью: «Жизнеописания Марпы-переводчика» в историческом контексте школы Кагью. М.: Алмазный путь, 2010. С. 23–27.
- 2 Андросов В.П. Очерки изучения буддизма древней Индии. М.: Наука, Вост. лит., 2019. 799 с.
- 3 Востриков А.И. Тибетская историческая литература (1962). СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 336 с.

- 4 *Дылыкова В.С.* Тибетская агиографическая литература. М.: Авторская книга, 2015. 352 с.
- 5 *Заятуев Г.Н.* Агван Доржиев. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1991. 123 с.

Источники

- 6 *Агван лхарамба (Агвандоржиев).* «Дэлхийг эргэж бядсан домог сонирхолын бичиг төдий хэмээх» // Алтан хүрд. Улаанбаатар, 1992. С. 103–128. (На совр. монг. яз.)
- 7 *Доржиев А.* Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) / пер. с монг. А.Д. Цендиной; транслит., предисл., коммент., глоссарий и указ. А.Г. Сазыкина и А.Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. 160 с. (Памятники письменности Востока: Осн. в 1965 г.).
- 8 *Доржиев А.* Мемуары тибетского дипломата / пер. с тибетского и примеч. Тубден Жигмэ Норбу // *Доржиев А.* Предание о кругосветном путешествии, или Повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1994. С. 5–75.
- 9 *Дэлхэе эрьежэ бүтээн домог, хонирхолтой бэшэг тэды хэмээхэ орошобо* // *Доржиев А.* Предание о кругосветном путешествии, или Повествование о жизни Агвана Доржиева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1994. С. 76–112. (На бурят. яз.)
- 10 Каталог некоторых сочинений и трактатов, написанных бурятскими ламами / сост. ХХ Пандито Хамбо-лама Жимба Жамсо Эрдынеев; пер. с тибетского геше рабжамбой Самдэном (Дашидондоков Самдан Сангажиевич) и Лубсан Тарламом (Шагдууров Чингис) // *Чимитдоржин Д.Г.* Пандито Хамбо-ламы. 1764–2010 / изд. перераб. и доп. Улан-Удэ: Печатный дворъ, 2010. С. 158–166.
- 11 Полное жизнеописание Марпы-переводчика «Видение свершает все». Составлено Великим Херукой / пер. с тибетского Е.В. Леонтьевой; под ред. В.П. Андросова // *Андросов В.П., Леонтьева Е.В.* Марпа и история Карма Кагью: «Жизнеописание Марпы-переводчика» в историческом контексте школы Кагью. М.: Алмазный путь, 2010. С. 29–243.
- 12 *Agvan Dorjiev.* Memoirs of a Tibetan Diplomat / transl. and ed. by Thubden Jigme Norbu. [Б.м.], 1990. (На англ. яз.)

References

- 1 Androsov, V.P. "Ob avtore "Zhizneopisaniia Marpy'." ["About the Author of 'The Life of Marpa'."]. Androsov, V.P., Leont'eva, E.V. *Marpa i istoriia Karma Kag'iu: "Zhizneopisaniia Marpy-perevodchika" v istoricheskom kontekste shkoly Kag'iu* [*Marpa and the Karma Kagyu Story: "The Life of Marpa the Translator" in the Historical Context of the Kagyu School*]. Moscow, Almaznyi put' Publ., 2010, pp. 23–27. (In Russ.)
- 2 Androsov, V.P. *Ocherki izucheniia buddizma drevnei Indii* [*Essays on the Study of Buddhism in Ancient India*]. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaia Literatura Publ., 2019. 799 p. (In Russ.)
- 3 Vostrikov, A.I. *Tibetskaia istoricheskaia literatura (1962)* [*Tibetan Historical Literature (1962)*]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2007. 336 p. (In Russ.)
- 4 Dylykova, V.S. *Tibetskaia agiograficheskaia literatura* [*Tibetan Hagiographic Literature*]. Moscow, Avtorskaia kniga Publ., 2015. 352 p. (In Russ.)
- 5 Zaiatuev, G.N. *Aghvan Dorzhiev* [*Aghvan Dorzhiev*]. Ulan-Ude, Buriatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 123 p. (In Russ.)